

А. П. Марков¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК СМЫСЛ И СУДЬБА «РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Понимание сущности и специфики национальной идеи «русской цивилизации» обретает сегодня особую значимость. Во-первых, социологические исследования показывают все возрастающую ориентацию российского общества на самобытное, «исключительно собственное» развитие, которое основано на специфике исторического пути России, особенностях русской культуры, национального менталитета» (*Ж. Т. Тоценко*). Во-вторых, острота проблематики понимания смысла национального существования связана с усиливающимся кризисом идентичности, который проявляется в утрате чувства духовной самобытности и разрушении национально-культурного образа «мы» во всех временных ипостасях: прошлом, настоящем и будущем. В-третьих, ключевой проблемой общественного сознания является глубинный раскол, который провоцирует всплески социальной напряженности: сегодня в мировоззренческом пространстве «русской цивилизации» сталкиваются разные стратегии, в основе которых свое видение прошлого, настоящего и будущего, обнаруживаются существенные различия в сценариях выживаемости и развития, которые блокируют и разрушают друг друга. В-четвертых, современный мир стремительно меняется, и перспективы даже ближайшего будущего становятся весьма неопределенными. В этом контексте понимание духовной специфики «русской цивилизации», осознание ее миссии в общемировом процессе следует рассматривать в качестве предпосылки минимизации острейших проблем современного этапа развития — как России, так и мира в целом.

Проблема понимания и осознания национальной идеи — это не только поиск ответа на вопрос, как эффективно выстраивать экономику и успешно конкурировать на геополитическом пространстве. Это ответ

на вопрос о том, зачем существует Россия как культурно-историческое образование и сможет ли она существовать дальше. Грядущая (гипотетическая) трагедия России — утрата идеи ее существования, утрата «великой культуры с ее вселенской миссией нахождения “мостов” между конфессиями и культурами, духовного объединения во имя спасения всех», «коллективного поиска выхода» из цивилизационных тупиков (*В. М. Межуев*).

Смысл национальной идеи

Смысл является универсальным способом самопонимания субъекта культуры, глубинным условием идентичности и солидарности общности «мы», он одухотворяет бытие, «освящает» его цели и высвечивает главные достижения. Разрушение смысловой культуры представляет чрезвычайную опасность для жизнедеятельности общества: утрата объединяющих духовное поле культуры смысловых матриц понижает уровень сложности культурной системы, способствует дезорганизации, деструкции и примитивизации социально-культурной жизни общества и дезадаптации личности и в конечном счете грозит энтропией социально-культурного организма. В ситуации дефицита смыслов в массовом сознании расширяется пространство особого типа мировосприятия — «деградирующего», «кризисного», в пределе — катастрофического (*С. С. Хоружий*). Такое сознание, с одной стороны, свидетельствует о психологической и духовной усталости народа, с другой — носит демобилизирующий характер, лишая смысла человеческую жизнь и девальвируя базовые ценности — труд, семью, счастье, любовь².

Пространством генерирования смыслов является национальная культура, которая «онтологически есть

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор 131 публикации, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Основы социокультурного проектирования», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.) и др.

² Именно с разрушением смыслового пространства отечественной культуры, вызванным деградацией основных культурных институтов смыслополагания, связаны пессимистические настроения и прогнозы относительно будущего: невиданный размах потребительской идеологии разрушает мировоззренческую основу солидарности и социальной справедливости — важнейших экзистенциальных ценностей, поддерживающих мотивацию жертвовать личным во имя общего; эгоистический императив и гедонистический разгул вытесняют жизненные стратегии духовности, нестяжательства и честного труда, обрекая проекты модернизации на провал.

не что иное, как внесение в мир смысла» (*М. М. Бахтин*). Создаваемые в пространстве культурного творчества смыслы являются «душой» культуры — ее связующим элементом, стягивающим все ее многообразие в духовную целостность. Смысл — это осознанная идея чего-то, результат понимания глубинных характеристик феноменов и явлений. Важно подчеркнуть творческий, онтологический характер смысла, который становится *за-мыслом* фундаментальных конструкций культурной системы, мировоззренческой рамкой объяснения ее прошлого, идеей настоящего и проектом будущего.

В этом качестве национальную идею (которая в отечественной гуманитарной мысли получила название «русской идеи») можно трактовать как процесс и результат осознания институтами гуманитарной культуры *смысла бытия «русской цивилизации»*. Эта идея есть «концентрированное выражение смысла бытия нации», она «открывается сознанию этого существа как его верховный долг». Идея нации есть «не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», поэтому она есть «такая же роковая необходимость, как и законы физического мира, — эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает это она двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места. Ни человек, ни нация как моральное существо не могут освободиться от власти идеи, являющейся выражением смысла их бытия, но от них зависит носить ее в сердце своем и в судьбах своих как благословение или как проклятие»¹.

Для русской цивилизации национальная идея — это не просто стержень национальной идеологии, но и эсхатологическое учение, заполняющее отсутствующие звенья истории и связывающее ее «начала и концы»; это способ анализа эмпирических фактов истории и «вычисление» из этой суммы исторической миссии России, особого пути ее развития и роли в мировом историческом процессе; это не только «отгадка, откровение или предвидение будущего, но и целеполагание, воление, проект будущего, реализованный или оставшийся в качестве «запасного хода» истории» (*Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская*). Идея русского народа «заключает в себе такую великую силу», которая «повлияет на всю дальнейшую историю нашу», а так как эта идея уникальна, то и «история наша не может быть похожа на историю других европейских народов, тем более ее рабской копией». Непонимание этой истины и стремление «переделаться в Европу без всякой особенности» может кончиться национальной бедой (*Ф. М. Достоевский*).

«Всечеловеческая» миссия «русской идеи»

Попытки понять и концептуализировать национальную идею подобны интеллектуальным усилиям по выявлению основы генотипа — в обоих случаях надо постичь «некую скрытую сущность, которая вос-

производится во времени через внешние признаки» (*С. Г. Кара-Мурза*). В то же время «русская идея» — в значительной мере состоявшийся проект, детально и глубоко исследованный русской философско-гуманитарной мыслью. Отечественная гуманитарная культура уже содержит в себе «сценарии» предназначения и миссии России в мире, выполненные с учетом духовных подвигов народа и поражений, она зафиксировала «образы будущего», выстраданные верой и выведенные любящим сердцем отечественных мыслителей. Поэтому национальную идею сегодня не надо изобретать — ее необходимо вспомнить коллективной «духовной памятью». В условиях естественного развития общества будущее народа, замысел и смысл его культуры становится продолжением и развитием тех пиковых эпох исторического прошлого, подвиги и трагедии которых максимально полно выражали сущность и призвание России. Критерием подлинности русской идеи является не «сиюминутное общественное мнение», а путь нации, засвидетельствованный совестью и религиозным опытом народа, указанный важнейшими событиями и личностями его истории (*Вл. Соловьев*).

В отечественной гуманитарной мысли последних десятилетий разброс мнений по проблематике русской идеи значителен — от отрицания ее социально-культурного смысла, признания исторической и философско-культурологической исчерпанности ее концепта до утверждения национальной идеи как мировоззренческой матрицы «русской цивилизации», выражающей ее уникальную миссию во всемирной истории.

Воплощение русской идеи в различные исторические периоды (в рамках национальной идеологии и государственной политики) показывает, что ее смысловые акценты всегда зависели как от внутреннего, так и от внешнего «контекста» (особый нравственный накал русская идея получала в критические для Российской империи и общества моменты: русско-турецкая война, Балканский кризис, Первая мировая война, революция и последующие беды российского народа, сегодняшняя ситуация, связанная с распадом «социалистического мира» и капиталистическим обвалом). Интерес общества и его интеллектуальной элиты к поиску национальной идеи возникает в ситуации кризиса самосознания, при этом гиперболизация национальной идеи выступает компенсаторным механизмом, позволяющим «снять» чувство национальной неполноценности, обрести национально-культурную идентичность (преимущественно путем солидарности общности «мы» в границах «виртуального» величия и самобытности), а также в условиях цивилизационных вызовов. Духовно-нравственная напряженность («воинственность») и патриотический нерв национальной идеологии в таком случае определяются остротой и значимостью задач обеспечения национальной безопасности.

Базовой характеристикой «русской идеи» является ее наднациональный («всечеловеческий», всемирный), универсалистский характер, который определялся православием как религией всемирной и вырос на ментальной почве русского человека. Духовную основу

¹ Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 187.

всемирной устремленности русской идеи определяет нравственная доминанта русской души: «Гений народа русского» — его всемирность и всечеловечность, способность «из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»¹. Поэтому «истинная русская идея» не в том, «что делает Россия «через себя и для себя», а в том, что «что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается» (Вл. Соловьев).

Мировоззренческие доминанты национальной идеи в XXI веке

Учитывая духовные истоки «русской цивилизации», позитивный и негативный опыт воплощения русской идеи, можно предположить, что в перспективе мировоззренческие ориентиры русской идеи будут складываться из «кирпичиков» нескольких проектов (которые одновременно можно рассматривать в качестве «строительного материала» для национальной идеологии и геополитических стратегий).

1. Традиционный (и судьбоносный) для русской культуры и истории вариант русской идеи «Москва — Третий Рим», восходящий к XV веку, когда впервые осознается и формулируется историческая миссия Руси. Эта идея, обеспеченная авторитетом православной церкви, со временем приобрела государственный, национально-политический характер и успешно выполняла объединительные и экспансионистские задачи. Ее основные составляющие: государственность как форма сохранения национальной самобытности и территориальной целостности; ценности православия, органично и глубоко вошедшие в «ткань» русской культуры; понимание национально-культурной уникальности и духовной самобытности России, ее специфической судьбы в христианских цивилизациях.

2. Не исключено, что «классические» контуры русской идеи будут скорректированы и содержательно дополнены «социалистической аксиологией», которая для значительной части населения не потеряла актуальности. Трудно не согласиться с тем, что принцип справедливости есть норма отношений, отражающая «онтологический закон гармонических соотношений частей в единстве целого», а социализм, понимаемый как форма осуществления социальной справедливости, «имеет полное основание рассматриваться и с гуманистической, и даже с религиозной точки зрения имеющим на себе некоторое историческое благословение» (С. А. Аскольдов).

3. Новое звучание получает *евразийская концепция русской цивилизации* (преимущественно в геополитическом пространстве «Россия–Восток»), характеризующая Россию как особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуры, как уникальный и самодостаточный духовный центр евразийского континента². Основные

¹ Достоевский Ф. М. Пушкин // Русская идея. М., 1992. С. 145, 146.

² Зародившаяся в начале 1920-х годов в трудах философов и культурологов Трубецкого, Флоровского, Бицилли, Савицкого,

идеи евразийства, определившие специфику этой концепции: отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отрицание «универсалистского восприятия культуры», которое господствует в европейском самосознании и следствием которого является классификация народов на «культурные» и «дикие»; понимание России как особого культурного и духовного единства, географической и этнографической целостности — Евразии и утверждение особых путей ее развития; обоснование органичной связи культуры народов России с православием как «вселенской» религией и одновременно обусловленность русской культуры «пространством» (то есть влиянием «восточного» элемента); представление о нации как о «симфонической личности» — коллективном носителе культурных ценностей.

4. Геополитический пласт русской идеи (в координатах «Россия–Юг») представлен в *мессианской парадигме России как всемирного лидера народов-изгоев* (А. С. Панарин). Ее исходным принципом является утверждение, что по критериям могущества, успеха и богатства России уже не быть сверхдержавой, поэтому соревноваться с геополитическими лидерами по данным критериям — глобальная ошибка, которая может привести к окончательному истощению ресурсов, в том числе и духовных. Следовательно, Россия может и должна стать сверхдержавой неперспективных, достойных человеческой жалости и сострадания, должна стать «сверхдержавой людей неудач», уберігающей мир от либерального геноцида «золотого миллиарда».

Реализация данного проекта предполагает отказ от традиционной геополитической борьбы за пространство (с надеждой на успех здесь могут бороться равновеликие) и переход в плоскость социально-психологической, духовной борьбы — за судьбы неприкаемых и нуждающихся в «социальной реабилитации». Россия должна подняться над национальным эгоизмом, над моралью успеха, стать империей, открытой сердцем для всех «нищих духом». Как только все «второсортное» население мира поймет, что, кроме России, у него нет надежды, заказ на ее роль сверхдержавы будет сформирован. Успех этого проекта — в его мистической, религиозной энергетике.

В свое время христианство совершило чудо — оно возлюбило тех, кому носители светской морали отказали в сочувствии, возлюбило безнадежных (слабых, больных, бедных), которые стали носителями новой человеческой надежды. Сегодня требуется аналогичный поворот всемирного масштаба: возложить миссию спасения на народы неадаптированные, «неперспективные» по критерию успеха, силы, славы и богатства. Проблемно-цивилизационный контекст «нового мессианизма» — ограниченность ресурсов природы, которой долго не выдержат активности «эффективных» и «успешных», поэтому залог выживания человечества состоит в том, чтобы на арену цивилизации вышли культуры и народы, согласные довольствоваться малым, переставшие мерить смысл жизни крите-

Сувчинского, эта концепция нашла продолжение и развитие в работах Н. Рериха, Н. Гумилева, а в последние годы начинает оказывать существенное влияние на формирование идеологии национальной солидарности и геополитические приоритеты России.

рием успеха. Для таких культур Россия может стать образом надежды, особым метафизическим пространством, «обетованной землей бедных», что очень важно для внутреннего самочувствия загоняемого в «социальные резервации» большинства мира. В контексте данного проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных «либеральной церковью», новых изгоев сегодняшнего мира. Такая держава появляется в надматериальном, метафизическом пространстве (в отличие от идеи большевизма, в которой изначально доминировал критерий «политического успеха»). «Ментальный капитал» проекта — солидарность, сострадательность, эмпатия русского человека, а его культурным, нравственным ресурсом являются духовность и аскетизм. Дух русской культуры, отмечает А. С. Панарин, всегда был обращен к неудачникам, он дарил человеку достоинство независимо от его социального статуса и экономического успеха.

5. Адаптированной к современным реалиям разновидностью мессианской идеи может стать проект «Россия как центр гармонии цивилизаций» (пространство консолидации народов и государств на принципах сотрудничества и развития, площадка для совместного выхода цивилизации из глобального кризиса). Концепция строительства мира на основе «цивилизационной гармонии», во-первых, сможет «облагородить» проект глобализации, который модифицируется в новый этап развития «единого живого организма человеческой цивилизации во всем многообразии ее цивилизованных типов и планеты как среды обитания», цель которого — не унификация, а сохранение культуры каждого народа, расширение общего поля развития человеческой цивилизации. Консолидирующая парадигма мира станет альтернативой сегодняшней глобальной идеологии, основанной на конкуренции, угнетении и эксплуатации слабых, она позволит обеспечить «переход от взаимоподавления и противоборства цивилизаций к сотрудничеству и взаимоподдержке», когда благополучие и успех каждой станет определяться развитием и поддержкой со стороны всех других (Л. И. Иваишов). Эта вселенская по радиусу устремленности идея, с одной стороны, вытекает из духовных глубин, исторических традиций и ценностей «русского мира», с другой — не противоречит чаяниям других народов, каждый из которых стремится максимально полно воплотить свое предназначение в истории. «Русскому миру» есть что предложить в качестве альтернативы тупико-

вому процессу глобальной унификации и конкуренции. Духовную основу проекта «гармонизации цивилизаций» должны составить традиционные ценности семьи, счастья, справедливости, нестяжательства, солидарности и «всечеловечности»¹.

Во-вторых, идея «спасения цивилизации» должна стать значимым поводом для уважения России со стороны других народов мира (при соответствующей имиджевой поддержке), основанием возрождения национального самосознания (и прежде всего чувства гордости за прошлое, настоящее и будущее своего народа), она будет работать на повышение «индекса оптимизма» и веры в будущее, без которой нация теряет смысл бытия и энергию созидания. В процессе продвижения «духовного капитала» русской идеи на международные площадки активное участие должны принимать СМИ, искусство, реклама и *Public Relations*, которые обязаны активно использовать национальную символику, референтные образы исторических деятелей, пропагандировать значимые для мира события (в том числе обеспечение спасения западной цивилизации от нашествия «восточных варваров», а также сил зла, родившихся в недрах собственной культуры), ключевую роль в которых сыграла Россия. Необходимо целенаправленно восстанавливать (и в значительной степени реабилитировать) имидж России, пропагандируя традиционные ценности русской культуры и ментальную привлекательность народа. Даже частичная реализация этого проекта станет чрезвычайно важным условием возрождения национальной идеи во всех ее смыслах, средством утверждения достойного геополитического статуса России и духовно-нравственной миссии культуры.

Перечисленные выше модификации (границы, аспекты) национальной идеи не противоречат, а скорее дополняют друг друга, фиксируя ее государственно-собирательную, геополитическую и социально-культурную функции, подчеркивая религиозно-духовные и миссионерские смыслы. Востребованность цивилизационных и культурно-идентификационных ресурсов русской идеи предполагает вменяемую политику в области образования и культуры, адекватность в позиционировании России на международной арене. Она требует немалых интеллектуальных усилий и духовных напряжений общества, на общекультурном уровне предполагает активную работу национального самосознания, а в масштабах индивидуальной биографии — свободный и ответственный выбор каждого из нас.

¹ Эти преимущества были не только отрефлексированы отечественной гуманитарной мыслью, но и отмечены европейскими мыслителями. В частности, Вальтер Шубарт считал русских носителем «нового солидаризма», «нового идеала личности и свободы», который может «освободить человечество от индивидуализма сверхчеловека и коллективизма массового человека», противопоставив «автономной личности, идеалу Ренессанса» — «душу, связанную с Богом и со Вселенной, а насильственному объединению людей — свободное сообщество таких душ. ... Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу... Как раз из глубины своих беспримерных страданий она будет черпать столь же глубокое познание людей и смысла жизни, чтобы возвестить о нем народам Земли. Русский обладает для этого теми душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов». См.: Шубарт В. Европа и душа Востока // ОНС. 1993. № 4. С. 171, 176.